

Александра МИРОНОВА

Будьте смелее в своих желаниях

Подарки
госпожи Метелицы

Повезет обязательно!

Александра Миронова
Подарки госпожи Метелицы

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронова А. В.

Подарки госпожи Метелицы / А. В. Миронова — «Эксмо»,
2018 — (Повезет обязательно!)

ISBN 978-5-04-096008-8

В аэропорту Франкфурта пожилой женщине становится плохо. Свидетельницами происшествия оказываются две сестры – успешная Диана и невезучая Лида. Но Диана, боясь опоздать на рейс, убегает, а Лида остается помочь. Спустя какое-то время обеим сестрам приходят посылки. Незнакомка решила наградить их «по справедливости» за те поступки, которые они совершили, и вскоре жизнь обеих сестер непредсказуемо меняется.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096008-8

© Миронова А. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Диана	11
Гена	12
Лида	14
Диана	16
Лида	19
Диана	21
Лида	23
Диана	27
Лида	31
Диана	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александра Васильевна Миронова

Подарки госпожи Метелицы

© Миронова А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*По вере вашей да будет вам
(Матфея 9:29)*

Аэропорт Франкфурта напоминал птичий базар по весне. Пассажиры толпились и гомонили, словно стаи птиц, слетевшихся на гнездовье. Потолкавшись на одном месте, они, треща на непонятных языках, семенили друг за другом и расползались по бесконечным коридорам.

Выйдя из самолета в до блеска вымытый коридор, вспотевшая Лида тут же затряслась от холода. В толпе ей всегда становилось плохо. Отчаянно захотелось домой, на родной диван, на котором знакомо каждое пятнышко. К старому телевизору и наизусть заученной программе телепередач. «Но у тебя больше нет дома и диван тебе больше не принадлежит», – с грустью напомнила она себе и потащилась за остальными пассажирами рейса. Краем глаза отметила симпатичного мужчину, сидевшего через ряд от нее и время от времени кидавшего взгляды в ее сторону. Мелькнула мысль подойти и извиниться, ведь Лида со своей соседкой по креслу проговорили весь полет и наверняка не давали мужчине отдохнуть. Никаких других причин для призывных взглядов она не видела – такие, как она, никогда не интересовали таких, как он. Такие, как она, вообще никого не интересовали.

От этих мыслей моментально скрутило живот. Лида повертела головой по сторонам в поисках туалета и заметила фигурки мальчика и девочки, мерцающие в полумраке и указывающие путь к спасению. Спасибо тому доброму человеку, который придумал использовать детские картинки вместо надписей. Для особо одаренных вроде нее, не говорящих ни на одном иностранном языке.

Лида на мгновение заколебалась: с одной стороны, было страшно оторваться от толпы пассажиров, с которыми она летела вместе из Варны. Вообще-то у нее были билеты на прямой рейс, но в последний момент с самолетом что-то случилось, и авиакомпания любезно предложила им лететь с пересадкой через Франкфурт.

Где-то в глубине души Лида даже обрадовалась такому повороту событий. Она никогда в жизни не была в Германии и теперь предвкушала, как будет смаковать свои впечатления во время обеда с девочками. Возможно, в ожидании самолета она даже сможет купить им небольшие сувениры. Ведь это именно «девочки» скинулись ей на путевку и отправили по «горящей» в Болгарию, чтобы она смогла немного прийти в себя от всего происходящего. При мысли о чужой доброте сразу же защипало в глазах.

– Милочка, с вами все в порядке? – немедленно поинтересовалась энергичная бабуля, сидевшая в самолете рядом с Лидой и весь полет жаловавшаяся ей на неблагодарных сына и невестку.

Лида успела заметить, что бабуля была единственной, кто без усталости изливал свои горести на соседа. Все остальные пассажиры или мирно дремали, или были поглощены содержимым телефонов и планшетов.

Лиду это ничуть не удивило. Естественно, самый назойливый попутчик попался именно ей. Ее потрясающая невезучесть проявлялась даже в таких мелочах. Чтобы избежать нового витка разговоров, Лида молча кивнула и, переборов собственный страх перед возможностью

потеряться в огромном аэропорту, заторопилась к двери с изображением девочки. Как-нибудь найдет свой выход, в конце концов, покажет работнику аэропорта билет и жестами объяснит, что ей нужно.

Лида вошла в небольшой туалет, и дверь, мягко шелкнув за спиной, отрезала ее от внешнего мира. Она поспешила в кабинку, но стоило ей отвлечься от воспоминаний о личной трагедии, как организм перестал требовать немедленного очищения. Лида услышала, как в туалет вошла еще одна пассажирка – резкий, хищный стук каблуков прозвучал набатом в голове. Лида подавила завистливый вздох – она бы тоже хотела быть женщиной, путешествующей на высоких шпильках. Сильной, красивой, уверенной в себе. Такую наверняка никто не посмел бы поставить в столь унижительное положение. Такая бы сняла эти самые шпильки и отправила бы их напрямик в голову обидчика. Не то что она, неудачница. Даже сказать ничего не смогла!

Лида снова услышала, как кто-то вошел в туалет. На сей раз шаги были неспешными, мягкими, грузными. Наверняка пожилая женщина. Лида немедленно всполошилась – что это она, в самом деле, место занимает. С легким чувством горечи она покинула сияющую чистотой кабинку, снабженную одноразовыми сиденьями и специальной жидкостью для дезинфекции. По Лидиным меркам туалет был просто роскошным. В два раза просторнее того, что у нее дома. Наверное, стоило путешествовать только ради того, чтобы чувствовать себя человеком в таком туалете.

Подойдя к умывальнику, Лида протянула руку, чтобы открыть кран, и замерла: крана не было. Лида почувствовала себя клинической идиоткой. Раздался звук смываемой воды, и она снова услышала хищный цокот каблуков по идеально чистой плитке туалета. Лида запаниковала. Сейчас эта красавица увидит Лиду, которая не в состоянии сообразить, как включается вода, и сразу поймет, что ей здесь не место. Что она попала сюда случайно из другого мира.

Лида открыла свою необъятную сумку и сделала вид, что занята поисками косметички. Сейчас неизвестная обладательница каблуков подойдет к умывальнику, и Лида подсмотрит, как она открывает воду...

– Лида?

Лида вздрогнула и, подняв голову, увидела в зеркале отражение той, кого надеялась никогда в жизни больше не увидеть.

– Диана? – пробормотала она, снова чувствуя, как ее прошибает холодный пот, а желудок скручивается узлом.

– Ты что здесь делаешь? – Сестра подошла поближе и уставилась на Лиду.

На голову выше, ослепительно прекрасная, словно сошедшая с рекламы средства для волос. Той, где гламурная блондинка из другого мира успевает за день облететь три континента и побывать в разных погодных условиях. Похожая на молодую львицу, сильную и грациозную. В идеально сидящем песочном брючном костюме, одетом, судя по всему, прямо на голое тело. Наверняка, если выйти вслед за Дианой из туалета и пойти по коридору, можно увидеть, как мужики валяются штабелями к ее ногам.

Диана, в свою очередь, с любопытством разглядывала сестру в зеркале. Ничуть не изменилась, только набрала, пожалуй, с десяток килограммов. Зато лицо... лицо оставалось таким же, как и бесконечное время назад. «И ведь наверняка ничего с ним не делает», – с легким уколом зависти подумала Диана. Одета, как обычно, несуразно – свободная кофта в полоску, визуально добавляющая еще пару-тройку килограммов, мешковатые джинсы и сумка, которой давно место на кладбище. Жидкие волосы собраны в хвостик, дешевая помада скаталась в уголках рта. Сестра была похожа на праздничный пончик, с которого уже облезла глазурь.

– Муж отправил меня на недельку отдохнуть, или что, по-твоему, я не могу путешествовать? – с легким вызовом, собрав всю силу духа в кулак, поинтересовалась Лида.

– Отчего же... – Диана не успела договорить, как послышался звук падения чего-то тяжелого.

Сестры, как по команде, обернулись к кабинке, находящейся прямо за ними. Там кто-то был. Третий человек, вошедший в туалет вслед за Лидой и Дианой. И сейчас этот кто-то лежал на полу. Лида сумела разглядеть ноги, обутые в практичные замшевые туфли без каблука и серые брюки. И ничего больше нельзя было рассмотреть.

– Человеку плохо! – Мгновенно позабыв о сестре и о тех эмоциях, которые та пробудила в душе своим появлением, Лида бросилась к кабинке и начала трясти закрытую дверь. – Женщина? Что с вами? Вы в порядке?

– Она вряд ли говорит по-русски. – Диана закатила глаза к потолку и, повысив голос, вежливо поинтересовалась: – Ma'am, are you ok?

Ответа не последовало. Лида бестолково заметалась по маленькому туалету, в ужасе выкрикивая:

– Мы должны вызвать «Скорую»! Как вызвать «Скорую»? Тут вообще есть доктор?

Ее бестолковые восклицания утонули в голосе диктора, настойчиво повторяющего на незнакомом языке приглашение на посадку для пассажиров, отправляющихся в Москву.

– Тихо! – цыкнула на сестру Диана, приподнимая палец.

Ей это досадное происшествие было ни к чему. Она не могла позволить себе опоздать на рейс. Геночка позвонил ей и сказал возвращаться немедленно, чтобы сообщить что-то важное. Наверняка замуж позовет. При одной мысли о скорой победе зануло сердце и начало слегка подташнивать. Ведь еще немного, и она бы впустила в голову мысль о том, что в свои тридцать шесть уже вышла в тираж для жены состоятельного человека.

На пятки наступали конкурентки, а средства для поддержания молодости уже начинали сбоить. Уехав из дома после очередной ссоры, она поставила на карту все, пошла ва-банк и даже не допускала мысли о проигрыше. Она должна прилететь вовремя. И услышать то, что собирается сказать ей Геночка. Пока он не передумал. Опаздывать нельзя ни в коем случае. Весь мир не спасешь.

– Посадка на Москву, ты ведь туда летишь? – перевела она сестре, снова принявшейся дергать дверь туалета.

Лида ошарашенно на нее посмотрела:

– Мы ведь не можем просто так уйти и оставить человека?

– Ну конечно нет, – быстро моя руки и опуская их в сушилку, ответила Диана. – Сейчас позовем кого-нибудь на помощь.

Подхватив небольшой клатч, лежащий на умывальнике, она направилась к выходу. Лида быстро схватила сестру за руку:

– Куда ты? Ты ведь не бросишь меня здесь? Мы должны убедиться, что она в порядке!

– Ой, я тебя прошу, для этого есть специально обученный персонал!

Диана резко выдернула руку из хватки сестры и сердито зацокала каблучками к выходу.

Лида запустила руку в волосы, ухватила прядь из жидкого хвостика и принялась бестолково ее крутить. Она не может опоздать на самолет, ведь у нее нет денег купить себе другой билет!

«У тебя есть кредитная карточка», – подала голос совесть.

«Да кто знает, сколько вообще рейсов из Франкфурта в Москву, а вдруг сегодня больше нет самолетов? – возражал ей разум. – И тебя еще и уволят вдобавок ко всему, за прогулы».

«Объяснишь Семеновне, что спасала жизнь человеку», – снова сказала совесть.

– Эй, женщина, – Лида припала к кабинке туалета и тихонько поскреблась.

Она понятия не имела, слышит ли ее незнакомка, но в фильмах она видела, что важно держать человека в сознании, пока не подоспеет помощь. Лида отчаянно надеялась, что сестра

хотя бы кого-нибудь позовет. Впрочем, Диана никогда не отличалась высокими моральными устоями, вряд ли за те двадцать лет, что они не виделись, что-то изменилось.

– Женщина, вы меня слышите? Сейчас вам помогут, все будет хорошо, держитесь!

Ничего не происходило. Диана наверняка решила, что у нее есть в жизни более важные занятия, чем спасение незнакомого человека.

– Я сейчас позову на помощь! – дрогнувшим голосом пообещала Лида и бросилась вон из туалета, с трудом переводя дыхание. Она понятия не имела, как будет по-английски или по-немецки «помогите» или «Скорая», но решила действовать по обстоятельствам.

Лида вывалилась в коридор, где уже никого не было. Очевидно, сейчас перерыв между рейсами, да и самолеты из Варны вряд ли прибывали в самый загруженный терминал.

Лида заметалась по пустому коридору, беспомощно восклицая:

– Помогите, кто-нибудь! Человеку плохо!

Никакой практической пользы ее метания, естественно, не принесли. Лида остановилась и огляделась по сторонам. Заметила на стене красный ящик. Неужели? Быстрым шагом приблизилась к находке и не смогла сдержать радостный возглас. Дефибриллятор!

Лида понятия не имела, как им пользоваться, но она нашла главное – кнопку вызова помощи. В отчаянии она принялась нажимать на нее и вопить «хелп», затем попыталась все-таки открыть коробку с дефибриллятором, с третьей попытки ей это удалось, и, схватив прибор в руки, она бросилась назад в туалет, с ужасом раздумывая, что ей сейчас придется выламывать дверь и использовать адскую машину на живом человеке. А если она вообще убьет беднягу?

Лида чуть не разрыдалась от нахлынувших чувств, но постаралась держать себя в руках и немного визгливым голосом сообщила незнакомке:

– Вы меня слышите? Все будет хорошо!

Она подергала ручку, та, естественно, не поддавалась. В маленьком окошке виднелась красная наклейка, сигнализирующая о том, что дверь заперта изнутри. Лида припала к двери ухом и слышала слабый стон.

– Сейчас, сейчас! Вы только не бойтесь, я сейчас попробую выломать дверь.

Она бестолково засуетилась, пристраивая дефибриллятор рядом со своей сумкой, стоящей на рукоятке. Затем сделала несколько шагов назад и со всей силы бросилась на серую хлипкую дверь.

И в этот самый момент дверь в туалет распахнулась, и в него буквально ввалились несколько человек, одетых в униформу. Лида чуть не рухнула на пол от облегчения – кнопка сработала! Сейчас женщине помогут профессионалы!

– Там женщина, ей плохо, я хотела помочь, вот взяла дефибриллятор, – залопотала Лида, но плотная девушка с рацией, прикрепленной к наплечному ремню, уже теснила ее к выходу. Молодой человек в темно-синей униформе на ходу открывал серый металлический чемоданчик, доставая из него инструменты, за его спиной стоял мужчина средних лет, державший в руках сумку с красным крестом. Лида выдохнула с облегчением.

– Пассажира Лидию Улиткину просят пройти на посадку к выходу Д42. Пассажира Лидию Улиткину просят немедленно пройти на посадку к выходу Д42.

Лида вздрогнула, услышав свое имя. Она уже сделала было шаг к выходу, но в этот момент дверь кабинки открыли специальным ключом, и мужчина, уже успевший набрать в огромный шприц прозрачную жидкость, склонился над грузной женщиной, лежащей на полу.

Лида заметила бледное лицо с тонкими чертами, изрезанными глубокими морщинами, словно бороздами. Серебристые волосы были собраны в высокую прическу, на шее у женщины – а такую женщину просто язык не поворачивался назвать «бабушкой» – была камея.

– Аут, плиз, – настойчиво попросила плотная девушка в униформе, тесня Лиду к выходу.

– Нет! – вдруг воскликнула та и даже глаза закрыла от собственной смелости. Самолет сейчас улетит без нее, но она просто не может оставить незнакомку здесь в одиночестве. – Я дочка, дотер, – всплыло откуда-то из глубин памяти.

– Daughter? – Тон женщины моментально изменился. – I'm sorry, – тут же извинилась она и сделала шаг в сторону, давая Лиде возможность подойти к доктору.

Тот уже сделал укол, и веки женщины затрепетали. Она с трудом открыла глаза и попыталась сфокусировать взгляд. Доктор выдохнул и тут же залопотал что-то в рацию, очевидно, вызывая «Скорую помощь».

– С вами все будет в порядке, – ободряюще улыбнулась она женщине. – «Скорая» сейчас придет.

Она и сама понимала, насколько глупо это все звучит. Женщина наверняка иностранка, наши так не выглядят в этом почтенном возрасте, сейчас она скажет, что не понимает ее, и Лиду еще, чего доброго, в полицию загребут за обман.

– Спасибо, – вдруг тихо прошептала женщина.

Слово далось ей нелегко. Она словно попробовала его на вкус, как человек, неожиданно обнаруживший любимую сладость детства, осторожно смакует ее, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– Спасибо, – чуть более уверенно повторила женщина, и Лида явственно услышала акцент. На глаза навернулись слезы – женщина заговорила, может сконцентрироваться! Это добрый знак, с ней все будет в порядке. Пусть хотя бы у кого-нибудь все будет в порядке в этой жизни.

– Не говорите, берегите силы, – залопотала Лида. – Сейчас придут врачи...

– Как вас зовут? – вдруг перебила ее женщина. Она говорила тихо, словно каждое слово давалось ей с огромным трудом.

– Лида. Лида Улиткина, – послушно ответила Лида.

Незнакомка напомнила ей учительницу математики Зою Семеновну, державшую когда-то в страхе всех учеников школы, в которой Лида провела десять лет. Ослушаться такую было просто невыносимо.

– А вторую женщину? – настойчиво потребовала незнакомка. Она окончательно открыла глаза, и Лида поразились их фарфоровой синеве. Говорят, что с годами глаза выцветают, но глаза незнакомки опровергали это расхожее утверждение. Они напоминали одновременно и беспокойное небо перед грозой, и мягкую глазурь немецких расписных статуэток.

– Диана? Это моя сестра, – растерянно пояснила она.

– Улиткина? – поинтересовалась дама. Да, старомодное «дама» подходило ей больше всего.

В туалет уже входили санитары в пронзительно оранжевой униформе. В руках они держали носилки. Лиду снова оттеснили, но она старалась не упускать из вида спасенную женщину. Та тоже не сводила с нее глаз. Лида ободряюще улыбнулась.

– Все будет хорошо. Хотите, я поеду с вами? – вдруг предложила она незнакомке, наплевав на улетающий самолет и грядущие проблемы. Ей не привыкать.

Ничего удивительного в том, что это произошло именно с ней, не было. Такие вещи никогда не случались с другими. А ее жизнь – это сплошной хаос, клубок событий, которыми она не управляет.

Так было всегда, с самого детства. Стоило бабуле отправить ее в магазин за хлебом, как у нее перед носом раскупали последнюю буханку. Если она радовалась полупустому автобусу, то он непременно шел в парк. Весной и осенью она даже не пыталась носить красивую одежду. Ведь если на дороге будет хотя бы одна лужа, то Лиду непременно обдадут грязной жижей. Вечная неудачница.

Она даже пыталась ходить к разнообразным гадалкам и экстрасенсам. Слушала про порчу, сглаз, венцы неудачи. Один из провидцев объяснил ей, что таким образом она отрабатывает карму прошлой жизни, в которой она была богатым купцом, обманувшим и разорившим бесчисленное количество конкурентов. Такое объяснение ее вполне удовлетворило, и теперь каждый раз, стоило произойти очередной неприятности, Лида утешала себя тем, что, по крайней мере, в прошлой жизни она неплохо себя чувствовала. Не то что сейчас.

– Нет, милая, спасибо. У меня есть... – женщина запнулась, словно вспоминая давно забытое слово, – инсюранс, – произнесла она на французский манер.

– Я могу побыть с вами, пока не приедут ваши родные, – торопливо пообещала Лида, стараясь не думать, о чем она говорит. Одна в незнакомой стране, ни слова не знающая по-немецки, чем она поможет этой седовласой даме?

– Faites attention! – та вдруг совершенно другим тоном прикрикнула на неловкого санитаря, пытающегося поудобнее устроить ее на носилках.

– Entschuldigung Sie bitte, – забормотал юноша, и Лида совершенно точно поняла, что эта женщина не нуждается ни в чьей помощи – она сама прекрасно со всем разберется.

– Спасибо вам, Лидия Улиткина, – уже более уверенно произнесла женщина, когда санитары пронесли ее мимо Лиды.

– Поправляйтесь, – слабо улыбнулась Лида и помахала даме вслед, словно старой знакомой, стараясь избегать пристального взгляда служашей, которой она соврала про дочь.

Все участники небольшого спектакля покинули помещение. Им на смену пришла мрачная уборщица, выставившая у двери желтый знак о том, что туалет закрыт, и принялась шуровать шваброй, безмолвно намекая на то, что Лиде тоже лучше удалиться.

Спустя минуту уже ничего не напоминало о происшествии.

Лида вышла из туалета, естественно, поскользнувшись на мокром полу и едва не упав, и медленно побрела к выходу Д42. Конечно же, никакого самолета там уже не было – он улетел. Услышав сумму, в которую ей обойдется билет на следующий рейс, Лида не выдержала и расплакалась прямо у стойки регистрации. На обратный билет в ад уйдут все ее скромные сбережения.

Диана

Естественно, малахольная Лидка осталась с бабкой в туалете. В том, что в кабинке была бабка, Диана была просто-таки уверена. Кто еще будет валиться в обморок, сидя на унитазах, и носить такую уродскую обувь? Нет, Диана не была жестокой – она была реалистом. Если ты разменяла восьмой или девятый десяток, единственное направление, в котором стоило выдвигаться в одиночку, – это на кладбище.

Доброта, граничащая с глупостью, – в этом вся Лида. Хорошо, что она, Диана, это чувство в себе изжила. Что ни говори, а жестким людям живется куда проще.

Багаж задерживали, но Диана тут же нашла в этом свои преимущества – такси, которое она вызвала, решив не просить Гену о водителе, попало в пробку, и ей не придется маяться с тяжелым чемоданом в руках, ожидая его прибытия. А так все получилось «тютелька в тютельку», как говаривала бабуля. Диана выпорхнула из здания аэропорта и ни секунды не парилась на жаре – водитель уже встречал ее.

Они проскочили столичные пробки и по шоссе помчались в ее город, расположенный в сотне километров от столицы. Диана погрузилась в приятные мысли. Интересно, что Гена скажет и купил ли ей кольцо? Пожалуй, кольцо интересовало ее больше Гениных слов. Тот мог просто подарить его молча, не очень-то ее и интересовало, как он это озвучит.

В том, что ее догадка верна, Диана убедилась пару часов спустя, когда такси с молчаливым водителем (на них ей всегда везло) заехало во двор дома, где она снимала квартиру. Новенький мини-купер стоял посреди двора и был перевязан огромным красным бантом. От вида подарка перехватило дыхание, и Диана, не сдерживая эмоций, выпорхнула из машины и триумфально улыбнулась – максимальная эмоция радости, которую она себе позволяла в последнее время.

Медленно покачивая бедрами (и перехватив обалдевший взгляд водителя), Диана подошла к огненно-красной машине и погладила лакированный бок. Геночка был рачителен и прижимист, поэтому на дорогостоящие подарки от него особо рассчитывать не приходилось. Нет, конечно же, он дарил и шубы, и бриллианты, вот только не из последних коллекций. А машину так и вовсе считал ненужной игрушкой – столько проблем с ней! Техосмотры проходи, регулярно заправляй, чини, обслуживай, ищи парковки, стой в пробках. Да и Диана такая рассеянная, может замечаться за рулем. То, что он все-таки решился сделать ей такой подарок, говорило о том, что у него самые серьезные намерения. Диане на секунду стало страшно, и снова подкатила тошнота – а готова ли она? Но она тут же отбросила сомнения – да, ведь она шла к этому целенаправленно! Именно Гена сможет обеспечить ей ту жизнь, о которой она мечтает.

Набрав номер Геннадия, она поднесла к уху телефон. Пришло время сменить гнев на милость.

Гена

Гена напоминал гранату с выдернутой чекой – вот-вот взорвется. Причина его ярости была проста, элегантна и умопомрачительно дорога – набор бокалов для белого и красного вина, занявших место его коллекции пивных кружек, которую он собирал уже несколько лет подряд.

Гене нравилась его коллекция, он даже думал, что когда выйдет на пенсию, то сможет заняться коллекционированием всерьез. А что? У него есть очень интересные экземпляры! Например, кружка в виде женской груди, которую он раздобыл в одной немецкой пивной и ласково именовал «девочкой». Или вот «разрубленный бокал», созданный по мотивам фильма Тарантино. Этот бокал Гена величал Биллом. И вот теперь на месте его «девочки» и Билла стоят какие-то дурацкие бокалы!

– Геннадий, не злись, этим ты убиваешь нервные клетки, – Вероника затянулась сигаретой и выпустила дым в сторону, даже не потрудившись открыть окно.

Гена почувствовал, как на него, словно цунами, накатывает волна бешенства. Сейчас накроет с головой и погребет под собой и его, и Веронику, и эти гребаные бокалы.

Последнее время вообще не испытывал никаких чувств к жене, кроме раздражения. В погоне за ускользающей молодостью Вероника совсем перестала есть, только пьет по восемь чашек кофе в день, а все остальное время держится на сигаретах (как она сама утверждала). Результат налицо, в прямом смысле этого слова. Ни следа былой красоты, вызывавшей у Гены когда-то непередаваемые эмоции. Одета во все черное, тонкие темные волосы размазаны по плечам, словно перья облезлой вороны. За стильными очками в темной оправе глаза кажутся неправдоподобно большими. Похожая на удава из старого мультфильма.

Вероника вернулась сегодня утром из Италии, куда каталась на какую-то там неделю моды. За шмотьем, короче. И к шмотью притащила еще и дурацкие бокалы.

– Где моя коллекция? – Гена сделал шаг к жене, отчаянно борясь с желанием вырвать у нее сигарету и растоптать прямо на мраморном полу.

– Ка-а-ллекция, – фыркнула Вероника, бросив в чашку с остатками кофе недокуренную сигарету, и тут же затянулась новой. – Гена, это позор, а не коллекция, это нельзя людям показывать, ты что, не понимаешь?

– А вот это, значит, можно, – Гена махнул рукой в сторону огромной витрины, которую он специально заказал для своих кружек и в которой теперь толпились бокалы из тонкого дымчатого стекла, украшенные головой медузы.

– Конечно, это же коллекция Розенталь и Версаче! – пожала плечами Вероника.

– Розен кто? – осекся Гена.

– Неважно, – снисходительно махнула рукой жена и снова затянулась, привычно мазнув глазами по стенам. И тут же замерла. Гена закрыл картины черным полотном. Так он делал только тогда, когда был в сильном раздражении. Дело плохо. Очень плохо.

Вероника перевела взгляд на мужа и поняла, что опоздала. Вот этот вот снисходительный жест, показывающий искреннее ее отношение к мужу, стал решающим. В два прыжка Гена преодолел огромную столовую, выхватил из рук Вероники сигарету и все-таки бросил на пол. Растоптал каблуком. Его обычно красноватое лицо смертельно побледнело.

– Что ты делаешь? – прошипела жена. Она еще больше стала походить на змею. На краткий миг Гене показалось, что если она сейчас откроет рот шире, то он увидит раздвоенный язык.

– Где... мои... кружки? – медленно и отчетливо произнес Гена, наклоняясь к Веронике. Та вжалась в кресло, в неправдоподобно больших глазах впервые за много дней мелькнула живая эмоция – страх.

– Зачем они тебе? Ты же все равно из них не пьешь! А мы пьем вино каждый раз, когда к нам приходят гости. Давай устроим твои бокалы в кладовке? – Вероника попыталась предложить компромисс.

– Они не нужны мне в кладовке, они нужны мне здесь! – Гена наклонился еще ниже к жене и почувствовал слабый запах алкоголя – похоже, новые бокалы она уже протестировала.

Вероника вскочила. Итальянский резной стул с грохотом упал на пол. Она метнулась к стоящей за витриной большой картонной коробке, которую Гена в ярости и не заметил, и начала доставать оттуда кружки. Одну за другой, с громким стуком швыряя их на стол.

– На, подавись! Пей свое пиво, давай, прямо сейчас, если так хочется!

– И выпью, – набычился Гена, хватая первую же попавшуюся кружку – с большими стеклянными пупырышками и надписью «Таганрог 1998».

– Ну давай, да хоть упейся! – визгливо воскликнула Вероника, почти швыряя на стол его «девочку».

– Осторожней, – гавкнул Гена и, подхватив жемчужину своей коллекции, направился к кухне, отгороженной от столовой барной стойкой. Открыл холодильник, с тоской обозрел пустые полки – Вероника никогда не готовила.

Взял три бутылки пива с дверцы и вернулся к столу. Аккуратно поставил свои сокровища и подтянул к себе новые кружки, которые Вероника продолжала выставлять на стол.

Ловко открыл первую бутылку и вылил содержимое в «пупырышки». Вторая бутылка досталась «девочке».

– Пей, алкаш! – злобно прошипела Вероника, уставив весь стол кружками Гены и вытирая пот со лба – даже малейшее усилие давалось ей с трудом.

– От алкашки слышу, – огрызнулся Гена, залпом выпивая первую кружку.

– Смотри, не подавись, – Вероника сложила руки на груди и с нескрываемым презрением смотрела на мужа.

– Не дожدهшься, – Гена вытер рот рукой и смачно отрыгнул. Вероника сморщилась.

– Не нравится? – с вызовом поинтересовался Гена, хватая «девочку», и, сделав большой глоток, закашлялся.

– Ты отвратителен, – снова прошипела Вероника.

– Не мучайся, – Гена длинными глотками допил содержимое второй кружки и слегка покачнулся, – я от тебя ухожу.

Не отводя взгляда от мужа, Вероника нашарила на столе чашку кофе, поднесла к губам и сделала глоток. Не замечая окурка, который она несколько минут тому назад утопила в кофейной жиже.

Лида

Дома пахло семьей. И ужином из трех с половиной блюд – первого, второго, третьего и компота. То, что Лиде никогда не удавалось. Если она готовила суп, то, как правило, на второе и десерт времени у нее уже не хватало.

– Спасибо, очень вкусно! – услышала она голос сына из кухни.

– Ты любишь грибной суп? – не спросила, а пропела *та*.

– Я его никогда не ел, – признался Ромка, и Лида почувствовала, как запылали уши.

Она сама грибы не любила и не умела их готовить. Все время ставила себе мысленную записку, что надо бы научиться ради Васи и Ромки, но все откладывала и откладывала. А *та* времени даром не теряла. Или, возможно, уже родилась с этим умением. Такая себе женщина – грибной суп.

Лида с грохотом поставила чемодан на пол. Не успела разуться, как *та* выплыла в коридор, и Лида впервые лицом к лицу столкнулась с женщиной, разрушившей ее жизнь. Что там полагается делать в таких случаях? Вцепиться в волосы? Расцарапать лицо? Спустить с лестницы? Лида сотни раз представляла себе их встречу, только в ее мечтах все было по-другому.

Она должна была подъехать в роскошной машине к самому дорогому бутику города. Ее муж, похожий на Гаррисона Форда и Ричарда Гира одновременно, открыл бы ей дверь. Она бы вышла – похудевшая на двадцать килограммов, ослепительно прекрасная, с красивой стрижкой и умелым макияжем. Вся в «Шанели», разумеется. А не так – в джинсах, которые она запачкала, ставив по ошибке с ленты чужой чемодан и едва на поправившись с его хозяином, в разбитых на носках туфлях, с растрепавшимися волосами, давно нуждающимися в покраске. Вся вспотевшая и пропахшая рейсовым автобусом, на котором она добиралась домой из аэропорта. Но самое страшное было не это. Самым страшным был взгляд, который она подняла на соперницу. Взгляд побитой собаки. Взгляд проигравшей. Это было даже хуже отсутствия «Шанели» и Гаррисона Форда.

– На кухне мы установим расписание, – *та* немедленно перешла к делу, и Лида с удивлением поняла, что все это время соперница что-то говорила.

Лет на десять моложе и килограммов на тридцать худее самой Лиды. Редкие волосы удачно покрашены и подстрижены, короткий халатик подчеркивает ладную фигурку. Лицо невыразительное и немного злое – близко посаженные глаза, острый нос, тонкие губы, подведенные светлой помадой. В целом эффектна, если не разбирать на детали. Похожа на немецкую куклу из ее детства. Всегда послушно закрывает глаза, если положить на спину.

Лида молча кивнула, прошла на кухню и немедленно пожалела об этом, потому что почувствовала себя соседкой, заскочившей за солью и прервавшей семейный ужин. Ромка уплетал кусок кекса, пахнущего так умопомрачительно, что Лида сама чуть не попросила отрезать ей кусочек. Вася – расслабленный, разрумянившийся – сидел, откинувшись на стул, и смотрел футбол на планшете. Рядом стояла большая чашка со свежесваренным кофе – Лида заметила турку на плите.

– Ну так что, ты согласна? – *та* закончила свою тираду, неторопливо семеня на кухню вслед за Лидой.

– А ванную как делить будем? – усмехнулась Лида.

– В порядке живой очереди, но попрошу тебя с десяти до одиннадцати вечера ее не занимать – в это время я обычно делаю косметические процедуры.

Не говоря ни слова, Лида развернулась и вышла из кухни. Отчаянно хотелось плакать, но позволить им увидеть свои слезы она не могла. Никто из них даже не заметил, что она появилась дома не утром, а поздно вечером. Никто не спросил, как прошла ее поездка. Вася

мазнул равнодушным взглядом и опять уставился в планшет. Ромка стыдливо положил назад второй кусок кекса и просто молча кивнул матери. А *та* была победительницей.

Та – это любовница ее мужа, с которой он решил жить в их квартире, пока они ее не разделят. Она, Лида, с удовольствием ушла бы сама, вот только идти ей было некуда. Спасибо добрым коллегам, сбросившимся и купившим ей горящую путевку в Болгарию после того, как она неделю прорыдала вместо того, чтобы заниматься работой. Еще больше усложнять жизнь кого-то из них Лида не могла и не хотела. У всех семьи – родители, мужья, дети, свои проблемы. К сожалению, к своему возрасту она так и не смогла стать независимой сильной женщиной, способной оставить поношенные халаты более удачливой сопернице и с маленьким чемоданчиком отбыть в шикарную гостиницу. Пойти на массаж, СПА или что там сейчас модно среди богатых и успешных. Она, дура, всю жизнь каждую лишнюю копейку вкладывала в семью – то в отпуск в Сочи поедут на ее кровно заработанные, то Ромке новая одежда нужна, то Вася решил вдруг брекеты поставить, зубы исправить. Доисправлялся.

При мысли о собственной глупости к глазам снова подступили слезы. Интересно, если ее не станет, кто-нибудь вообще это заметит?

– Я гулять! – вдруг неожиданно для самой себя крикнула Лида и выскочила за двери.

Лучше поплачет в подъезде или во дворе, хотя нет, слишком много любопытных глаз. Просто пройдет по ночному проспекту. Дождется, пока все лягут спать, а потом вернется домой.

А что, если?

Волоча ноги, словно маленькая девочка, которой надели неподходящие по размеру тяжелые сапоги, Лида медленным шагом вышла с притихшего к ночи двора на оживленный проспект.

Теплый летний вечер разогнал дневную духоту, и на улицах стали появляться гуляющие. Красивые стройные девушки в мини-юбках и шортах, которые Лида не могла позволить себе даже в восемнадцать лет. Симпатичные смеющиеся молодые люди, считающие, что весь мир у их ног. Веселые дети, радостно гомонящие и вызывающие улыбки даже у самых хмурых граждан. И даже бодрые старушки размеренно семенили по проспекту, аккуратно поедая пломбир в стаканчиках и обсуждая с подружками последние новости.

Лида отделилась от гуляющей нарядной толпы и пошла вдоль проезжей части.

Она снова вернулась к страшной мысли. Ну что изменится в этом мире, если ее не станет? Ведь, по сути, ничего не изменится. Вася, наверное, только вздохнет с облегчением – ему вся квартира достанется, и делить ничего не придется. Может быть, даже потом и станет ее вспоминать без проклятий и ругани. Ромке уже шестнадцать. Еще пару лет, и мать ему уже будет совсем не нужна. И так почти все свободное время за учебой или компьютером проводит. По интеллекту он давно уже ее превзошел, и ей было все сложнее найти подходящие темы для общения с сыном.

Да и есть кому о нем позаботиться. Вася сына любит – тот его копия. И мамаша его внука единственного на произвол судьбы не бросит. Вынесет, еще как вынесет ее сын отсутствие матери. Выходит, она, Лида, в их жизни лишняя? Вот у сестры, наверное, все по-другому. У той – такой красивой, легкой – наверняка куча друзей и подруг, для которых она что-то да значит.

При мысли о сестре и о том, что произошло между ними много лет назад, стало совсем худо. Воспоминания о прошлом вызвали тупую боль в голове. Не очень хорошо понимая, что творит, Лида сделала шаг в сторону проезжей части и кинулась под колеса летящей на огромной скорости машины.

Диана

Диана сидела на полу в позе лотоса, гудя опостылевшее «ом» и старательно выгоняя из головы плохие мысли. Гена опаздывал. Поклялся ей, что приедет к семи часам, чтобы серьезно поговорить. Диана с трудом сдержала ликующий вопль – значит, она не ошиблась. Гена все-таки уходит от своей алкоголички к ней! Если бы он это не планировал, то никогда в жизни не купил бы ей машину. На такие траты он был способен, лишь будучи уверенным, что все останется в семье.

Накануне отъезда Диана пошла ва-банк и на какой-то очень краткий миг даже подумала, что может потерять свой джекпот, уж больно громко орал Геночка. Но удача любит смелых и безрассудных.

После феерической ссоры, во время которой Диана выдала любовнику фальшивые сен-тенции о своих одиноких выходных и желании родить ему ребенка в отличие от его так называемой жены, она улетела, не поставив Гену об этом в известность. Он оборвал телефон, забросал сообщениями и электронной почтой, но она лишь кратко ответила: «Хочу попробовать жить без тебя» – и больше на связь не выходила.

Несколько дней она бездумно шаталась по немецким музеям и косметологическим клиникам, старательно борясь с собственными страхами и медитируя. Как известно, нет ничего лучше для обретения равновесия и настроя на правильную волну. И, как обычно, удача не подвела. Гена уходит к ней. Навсегда. Именно это он и собирается ей сказать сегодня вечером. Ее мечта сбылась. Она должна, нет, просто обязана чувствовать себя счастливой. Вот отдохнет немного после полета и обязательно почувствует.

Машину она так и оставила стоять во дворе перевязанную бантом, на зависть всем соседкам, уже давно косящимся на нее и наверняка судачащим за ее спиной о визитах Геннадия. Она жила в доме так называемой «творческой интеллигенции», который совершенно невероятным образом умудрился не растерять творческий состав и не сдался под натиском нуворишей.

Ее соседи, в большинстве своем музыканты, художники и даже одна поэтесса, подобных отношений не одобряли. Сухо здоровались, поджав губы, но поболтать не останавливались. Диана не могла отказать себе в удовольствии немного их подразнить. К тому же надо дать Геночке возможность лично сделать подарок.

Несколько часов назад, переступив порог квартиры, Диана окинула ее свежим взглядом. Идеально, насколько это возможно в таких условиях. Матвеевна и ее работа были как всегда на высоте. Диана с теплотой подумала, как домработница обрадуется ее подарку – новому теплому домашнему костюму и красивой ночной рубашке в кокетливый цветочек. Послезавтра Диана отправляла ее в санаторий с целью оздоровиться и в очередной раз попытаться устроить личную жизнь. Рубашка пригодится. Диана хихикнула, предвкушая реакцию Матвеевны на подарок.

Сбросив надоевшие за день шпильки, она босиком прошлепала по старому рассохшемуся паркету на кухню, где немедленно включила чайник. Такие минуты она любила и ценила больше всего. Тишина в ее крепости, свежий чай и вид из окна на гудящий город.

Посреди небольшого обеденного стола с вызовом стояла трехлитровая банка с компотом. Рядом с ней немой укором были выставлены пять пустых бутылок из-под вина. Матвеевна не одобряла ее одинокие ночные посиделки с бокалом и регулярно поднимала разговор на тему того, что женский алкоголизм неизлечим. Диана лишь презрительно фыркала и предлагала помощнице остаться ночевать и разделить тягучее французское вино с ней. Но та лишь качала головой, презрительно морщилась и отнекивалась фразой «делать мне больше нечего».

Вот и теперь привезла к возвращению Дианы домашний компот и безжалостно вылила остатки дорогого вина в раковину. Любому другому за подобную самодеятельность Диана

открутила бы голову, но если речь шла о Матвеевне, она лишь тепло улыбалась и смешно фыркала.

Мысли о компоте никак не выходили из головы, и Диана решила покончить с медитацией. Легко поднялась и снова направилась на кухню. Достав из шкафа высокий стакан, налила компот, и, сделав первый глоток, зажмурила глаза от удовольствия. Вишневый. Ее любимый. Пожалуй, только Матвеевна и знает, что больше всего на свете Диана любит вишневый компот. Умница. Угостит сегодня Геночку и скажет, что сама сварила.

При мысли о Гене стало немного тошно. Их связь начала развиваться с того самого момента, когда тот впервые привез свою жену в реабилитационный центр, куда Диана устроилась давать уроки музыки пациентам. Директор центра обожал эксперименты и считал, что искусство может дать новый толчок в жизни. Диане было плевать на психологию и богатых наркоманов. Работа давала ей главное – оплату небольшой квартирки и возможность играть целыми днями.

Все началось не сразу, нет. Гена, этот черствый торгаш, был влюблен в свою жену художницу Веронику, на пороге сорокалетия испугавшуюся, что юность и талант уходят навсегда. Вначале она боролась со своими страхами бокалом вина, потом целой бутылкой, затем пришла очередь таблеток и порошка, а потом был центр.

Диана сразу поняла, что Гене нужно выговориться. И согласилась быть жилеткой. А затем Вероника расправила крылья, и Гена перестал звонить.

Но жена, едва придя в себя, снова пустилась во все тяжкие. В городе без ее участия не обходилась ни одна тусовка, ни один концерт, презентация, выставка. Тысячи подписчиков в социальных сетях и муж, которому было не с кем поговорить. Картины она стала писать все реже и реже, а Гена не мог без искусства. Все закрутилось после того, как он услышал игру Дианы.

Гена снял ей квартиру в центре города и начал наносить визиты несколько раз в неделю, каждый раз прося лишь об одном – чтобы она сыграла. Он страдал редким заболеванием – синдромом Стендаля. Погружение в мир искусства неизменно вызывало у него яркие, ни с чем не сравнимые ощущения – сердце начинало биться, как сумасшедшее, поднималось давление, кружилась голова, и в кровь выплескивался адреналин. Гена, и сам того не осознавая, превратился в адреналинового наркомана и уже не мог без этого жить. А Диана, с ее вечным оптимизмом и верой в лучшее, а самое главное, с ее прекрасной игрой, была для него отдушиной и праздником, бокалом шампанского. Она была Вероникой. Ее лучшей версией.

Диана и сама об этом догадывалась, но старательно гнала мысли прочь. Какая разница, кого Гена в ней видит? Лишь бы повел под венец. А то, что каждый раз после его визита ее тянет выпить бокал-другой вина, так это еще ни о чем не говорит. Кто сейчас не пьет? Зато Гена дарит ей то, что она так отчаянно искала после смерти бабули – защиту и возможность просто играть целыми днями, не раздумывая о том, что будет завтра. Она поступает правильно. Еще чуть-чуть, и ее мечта сбудется.

Диана приняла ванну и начала тщательно готовиться к визиту любовника. Надела новый шелковый пеньюар, расставила по всей квартире свечи. Подумывала над тем, не рассыпать ли ей еще и лепестки роз, но затем решила, что это будет слишком. Геночка не дурак, ни за что не поверит, что она так сильно по нему соскучилась. К тому же он еще не извинился.

Немного подумав, Диана переоделась в домашнее платье, которое можно будет легко снять при случае. Задула свечи и устроилась на подоконнике ждать приезда Геннадия.

Тот опаздывал, что было ему не свойственно. Диана выпила уже большую часть компота и пожалела, что не припрятала от Матвеевны бутылку вина. Она надеялась, что Гене хватит сообразительности приехать не с пустыми руками.

Спустя час она начала нервничать. Даже хотела позвонить, но сдержалась – она все еще обижена, не будет обрывать ему телефон. Если он задержался, значит, к лучшему. Спустя три

часа она уже не была столь уверена в правильности собственных установок и потянулась к телефону. Набрала знакомый номер, но Геночка на ее звонок не ответил.

Лида

– Ты что, дура? Ты это специально, да? – Незнакомый мужик нависал над Лидой и разве что слюной не брызгал ей в лицо.

Его слова доходили до нее словно через слой воды. Лида чувствовала себя елочной игрушкой, которую сняли после окончания праздника и положили в старую коробку, набитую плотной пожелтевшей ватой. Где ей хорошо и уютно, темно и немного пахнет загробным миром.

– Да не орите вы, – разъяренного мужика оттолкнула какая-то женщина и, наклонившись над Лидой, принялась поочередно поднимать ее веки и осторожно ощупывать ребра, затем взяла за руку, нащупывая пульс.

– Не трогайте ее, вдруг помрет! Вызовите «Скорую»! – продолжал бесноваться мужик. – Хотя, что это я, я сейчас сам ее вызову. Так, ты, мужик, и ты, женщина, – он бросился к толпе зевак, сгрудившихся на тротуаре, и принялся хаотично выдергивать из нее людей, – вы будете свидетелями – эта дура сама мне под колеса бросилась! Знаю я эти разводы, наверняка хотела бабла сорвать.

– Прекратите немедленно! – повысила на него голос добрая самаритянка. – Женщина едва жива, ее нужно как можно скорее доставить в больницу. Дыхание слабое и пульс нитевидный.

Она отпустила Лидину руку и ласково погладила ее по щеке:

– Держитесь, милая, все будет хорошо, – женщина достала телефон, набрала номер и принялась что-то торопливо говорить в трубку.

От чужой доброты, к которой Лида никак не могла привыкнуть, на глаза снова навернулись слезы. Она хотела повернуть голову, чтобы лучше рассмотреть говорящую, но ей это не удалось. Спустя секунду она с ужасом осознала, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Она их просто не чувствует.

– Вот понес тебя черт на улицу, – не переставал бушевать водитель, вернувшийся к Лиде и смотрящий на нее сверху вниз. – В таком возрасте уже по вечерам надо дома сидеть и носки вязать!

– Мне тридцать девять, – с трудом прошептала Лида и разрыдалась. Мужик резко осекся и присел над ней. Попыталась что-то сказать, но закашлялся.

– Ладно, ты эта... извини... – выдавил он из себя, прокашлявшись, – просто здесь же скоростная, все восемьдесят едут, а тут ты и сразу под колеса. Меня уже так два раза хотели развести на бабки, только вот ничего не вышло, даже не пытайся, – тон снова стал угрожающим, и Лида попробовала отвернуться от противного мужика. Тот был небрит и выглядел так, будто не спал три ночи. Алкоголем разило за версту. Все ясно, кутил, небось, где-то, сел за руль уставшим, выпившим и не смог вовремя отреагировать.

Послышался вой сирены, толпа вокруг Лиды начала рассасываться. Лида вдруг почувствовала, что у нее замерзает голова, словно она лежала в горячей ванне, а затем кто-то резко открыл дверь, и вода моментально остыла. Лида попыталась поймать взгляд сердобольной женщины:

– У меня голова разбита? – с трудом, ощущая себя Сизифом, закатывающим каждое слово в гору, выдавила Лида.

– Берегите силы, милая, врачи уже здесь, – вместо ответа попросила женщина, быстро отводя взгляд куда-то в сторону. Лида закрыла глаза, чувствуя головокружение, значит, голова действительно разбита. Ну что же, ей даже умереть не удалось легко и просто. Придется помучиться.

Она закрыла глаза, и ей показалось, что она лежит на теплом песке на берегу океана, где никогда не была. Волны омывают тело, становится все теплее и легче, все заботы и горести отступают, и она уплывает в другой мир. Лучше, чем этот.

Диана

Гена так и не приехал. Позвонил уже ближе к десяти и объявил, что у него форс-мажорные обстоятельства и он, возможно, приедет завтра. Ну что же, даже к лучшему. Она выпитая, с утра сходит на массаж и к косметологу, прикупит новый наряд. И попросит Матвеевну до отъезда приготовить ужин. Встретит Геночку при полном параде, будет выглядеть настоящим произведением искусства. Тем самым, которое вводит его в состояние транса и заставляет терять голову и делать глупости.

Налив в чашку остатки компота, Диана устроилась на небольшом мягком диванчике на кухне. Кухню она любила больше всего. Она редко готовила, максимум, разогревала то, что оставляла для нее Матвеевна, поэтому кухня всегда была идеально чистой и хоть и была отчаянно старомодной, выглядела как новенькая.

Едва переехав в квартиру, Диана заменила висящее на потолке пластиковое убожество с тремя рожками на хрустальный «торт», как называл ее люстру Гена. Спрятала в кладовку практичный раскладывающийся стол, бесстыдно кравший половину пространства, и вместо него поставила небольшой круглый кованый столик, который в порыве вдохновения сама украсила мозаикой. Стол всегда был накрыт белой скатертью. Так учила бабуля. Что бы ни происходило в жизни, скатерть всегда должна быть белой и глаженной. Это незывлемый оплот, остров спокойствия.

Диана заметила небольшое пятнышко на белом льняном полотне и тут же сдернула скатерть со стола, заменив ее на тонкую кружевную, которую она доставала по особым случаям. Включила новый сериал с Николь Кидман и предприняла еще одну попытку посмотреть то, о чем гудел Интернет.

Сериал не шел. Она несколько раз останавливала запись, возвращалась к началу, но мозг отказывался воспринимать красивые картинки и нестареющую Кидман.

Диана уставилась в окно. Она старалась не врать самой себе. Причиной беспокойства был вовсе не Гена и его отсутствие. Он уже на крючке, кольцо и поход в ЗАГС просто дело времени. Причиной ее беспокойства была Лида. Что уж тут скрывать – сестра выглядела ужасно. Словно основательно побитая жизнью дворняга. И дело было вовсе не в дешевой одежде или лишнем весе. Дело было в глазах. Глаза сестры выдавали отчаянно несчастливую женщину, которая так и ждет, что судьба нанесет ей очередной удар. Это считывалось за долю секунды, и сомневаться не приходилось: судьба и ее удары не замедлят себя ждать.

Что, если бы она тогда не увела Антона и он все-таки женился бы на Лиде. Смогла бы сестра стать счастливой? Остался бы Антон жив? Диана в сотысячный раз за последние восемнадцать лет спрашивала себя об этом. И ответ всегда был неизменным – нет. Нет, Лида не смогла бы быть счастлива с парнем, который в восемнадцать уже имел несколько приводов, любил приложиться к бутылке, а в последнее время не брезговал и наркотиками. Антон родился на социальном дне и там же и умер. Типичная история хорошей девочки, которая пыталась спасти плохого мальчика, но не спасла.

Жизнь – это не кино. В жизни у девочки есть всего два варианта – уйти или погибнуть самой. Но Диане удалось придумать третий – она увела плохого мальчика у хорошей девочки. Потому что была не в силах смотреть на слезы бабули. С момента начала этой связи та плакала каждый день и резко сдала. Первый инфаркт у нее случился именно тогда, когда Лидка объявила, что собирается замуж.

Их бабуля – тонкая, умная, интеллигентная – потомственный музыкант, вырастившая их после смерти матери, не могла принять выбор внучки. А Лидка как с цепи сорвалась, ничего и никого не желала слушать. И тогда включилась Диана.

Она думала, что со временем Лида успокоится, встретит нормального парня и простит ее. И они снова станут близки, как в детстве, когда она прибегала к сестре под теплый бок по любому поводу. Гроза, плохое настроение, грустный фильм – Лида всегда была рядом. Оазис доброты и спокойствия в пустыне, выжженной страхами, страстями и горем. Лида заслуживала счастья, а Антон ни за что и никогда не сделал бы ее счастливой. Он погиб через год после срыва свадьбы – разбился пьяным на мотоцикле, а Лида... Лида так и не стала счастливой, судя по ее внешнему виду.

Диана решительно захлопнула крышку ноутбука и, сбросив с себя домашнее платье, от которого отчаянно чесалось тело, голышом направилась в спальню. Быстро натянула футболку и джинсы, накинула сверху легкую куртку, обула кроссовки и вышла из квартиры.

До подземного перехода под главным проспектом города было две минуты пешком, а до того, как он уйдет, оставалось еще полчаса. Это всегда помогало – ее постыдное удовольствие, которое она от всех скрывала.

Прошмыгнув через двор, Диана вынырнула на улицу, быстрым шагом преодолела два квартала и спустилась в подземный переход, пропахший прогорклым вином и следами сотен тысяч людей. Она остановилась, как всегда, возле самого входа и прислонилась к стене.

Музыкант был там. Она не знала, кто он, как его зовут, откуда он. Это все было неважно. Молодой парень каждый вечер играл в подземном переходе на синтезаторе, который, вероятно, за небольшую мзду хранил в какой-то из подсобок.

Он исполнял вариации на тему популярных шлягеров восьмидесятых и девяностых, в основном итальянских и испанских. Едва слышав его игру, Диане каждый раз начинало казаться, что она под ласковым солнцем разноцветной Италии или в ускользающей серовато-дымчатой Франции, где нет никаких проблем и не надо думать, что все к лучшему, потому что и так все хорошо. Диана закрыла глаза. Парень играл, обуздав тонкими пальцами сам дух музыки, а она перенеслась в другое измерение.

– Встала тут, шалава, – грубый тычок в спину вернул Диану в реальность. Она распахнула глаза – лицо женщины, толкнувшей ее, было перекошено от злобы. В широком переходе не было никого, кроме них и того парня, который не обращал никакого внимания на происходящее и продолжал наигрывать что-то из Челентано.

– И не стыдно? Такая молодая, а уже на панель вышла, – продолжала плевать ядом тетка. На вид ей можно было дать от сорока до шестидесяти – с такими никогда не знаешь наверняка. Похожая на Щелкунчика – тело словно вырезано из куска деревяшки, без малейшего намека на грудь или талию, мощная челюсть и тоненькая косичка. Диане пришло в голову, что если за нее дернуть, то тетка откроет рот, и туда можно будет положить орешек. В руке женщина держала тележку на колесиках, доверху забитую газетами и журналами – очевидно, она была одной из продавщиц, работающих в ларьках возле входа в метро. Спускалась по лестнице, волоча за собой тележку, и, завернув за угол, врезалась в замечтавшуюся девушку. Диана сама виновата.

Она решила ничего не отвечать. Аккуратно обойдя тетку, отчаянно нуждающуюся в конфликте, Диана направилась к выходу из перехода. Хорошо, что эта тетка вывела ее из состояния анабиоза. Поздно уже и прохладно. Пора домой. Завтра в бой.

Лида

Лида пришла в себя от того, что кто-то лизал ее лицо. Собаки совсем обнаглели, она же не разрешает им лезть в постель! Лида попыталась оттолкнуть Джека, подобранного в прошлом году на троллейбусной остановке. Несчастливого, худого, едва волочившего за собой лапы и падавшего на пол при малейшей попытке проявить радость. За год пес заматерел и обнаглел, набрал десять килограммов, неудивительно, что у Лиды не получилось отмахнуться от него.

Руки не слушались. Она попыталась прогнать охамевшего пса словами:

– Уйди, – но слова застряли на губах, и получилось невнятное мычание.

Лиде вдруг стало страшно, и она распахнула глаза. Над ней склонилась пожилая женщина в белом халате и посеревшем от частых стирок некогда белом платке:

– Ничего, милая, сейчас Иван Ефремович придет, поможет тебе. Все твои анализы уже готовы, что-то последнее ждут, сказали к операции тебя приготовить на всякий случай. Я тебе тут судно принесла, а ну давай, моя красавица, не стесняйся, – приободрила она Лиду и снова обтерла ей лицо куском влажного старого полотенца.

– Как. – Лида хотела спросить, какое судно, но слова давались с трудом. Наверное, ее разбил инсульт, решила она. Немудрено, с такими переживаниями.

– Все можно, милая, не стесняйся, давай, я сразу вынесу, – неверно истолковала ее слова добрая нянечка.

Но Лиде не хотелось в туалет, она лишь мотнула головой и отвернулась к стене. Старой, с облезлой казенной краской, потерявшей свой изначальный цвет и покрывшейся трещинами. В такой обстановке хотелось только одного – умереть как можно скорее. Финал вполне достойный всей ее несчастной жизни. Осталась одна, парализована, никому не нужна. Никто из-под нее горшки выносить не будет – ни муж, ни сын, ни уж тем более сестра. А больше и некому.

В носу моментально защипало, и она разревелась. Нянечка, уже обслуживающая другую пациентку – в палате реанимации их было шестеро, – услышала сдавленные рыдания. Она снова вернулась к Лиде и с сочувствием уставилась на несчастную женщину. Бледная, растрепанная, ввалившиеся глаза окружены синяками – издали казалось, будто лицо женщины разукрасил неумелый гример. В том, что та была несчастна, сомневаться не приходилось.

Она сама лично стала свидетельницей скандала, разразившегося сегодня утром. Муженек бедняжки орал и требовал сказать ему, когда «эта притворщица» выйдет из больницы, потому что сына некому в аэропорт везти. Он держал в руках какой-то сверток, похожий на небольшую посылку, и кричал, что если Лидка (так и сказал – Лидка) все деньги за границей промотала и понаприсылала сама себе оттуда посылок, то он не виноват, и денег на ее лечение у него нет.

Разбушевавшегося мужика еле выставил из реанимационного отделения охранник, а посылку нянечка прихватила с собой – он так и оставил ее лежать на стуле.

– Тебе, милая, посылка тут, – тихонько понизив голос, сообщила она Лиде. Вообще проносить в палату реанимации что-либо строжайше воспрещалось, но нянечка, проработавшая здесь почти всю свою сознательную жизнь, иногда эти запреты обходила. Особенно если видела, что пациент не жалец. А в том, что женщина долго не протянет, сомневаться не приходилось. Совсем неважно, какие там у нее травмы и какие чудесные руки у Ивана Ефремовича. Он все равно ей не поможет, потому что женщина не хочет жить.

– Как... – снова Лиде не удалось выдать из себя вопрос «какая?».

– Сейчас принесу, – понизив голос до заговорщического шепота, пообещала санитарка и, словно старая хромя утка, заковыляла прочь.

Посылка? Какая еще посылка? Лида ничего не понимала, и слова нянечки донеслись откуда-то из глухого тумана. Ей конец. Она станет овощем и просто сгниет в какой-нибудь

богом забытой дыре, где ее каждый день будут попрекать куском хлеба и считать часы до того момента, когда она испустит дух.

– Вот, милая, давай распакую, – добрая нянечка довольно быстро вернулась и снова склонилась над Лидой. В руках она держала небольшую продолговатую темно-коричневую картонную коробочку. Надпись латиницей – «Lidiya Ulitkina». Лида на мгновение оторвалась от своих горестных размышлений и уставилась на коробку. Что это?

– Я распакую? – полувопросительно поинтересовалась нянечка.

Лида моргнула в знак согласия. Нянечка ловко подцепила желтым растрескавшимся ногтем кусочек скотча, надежно защитившего содержимое посылки от любопытных глаз, и потянула за него. Скотч поддался не сразу, и нянечке пришлось несколько раз повторить свои попытки, постоянно косясь на дверь: увидит Иван Ефремович – головы не сносить. Наконец-то ей удалось поддеть уголок, она быстро содрала защиту и осторожно достала из коробочки предмет, завернутый в пленку с пузырями, которые так сладко лопать.

– Что-то хрупкое тебе прислали, детонька, сейчас посмотрим, что это, – приговаривала нянечка, разматывая пленку слой за слоем – неизвестный отправитель постарался на славу, защищая свой хрупкий груз.

Едва последний слой был снят, как нянечка замерла в восхищении, а Лида, та и вовсе открыла рот, глядя на вещицу, которую старуха держала в руках.

Фарфоровая статуэтка прекрасной дамы. Нет, не так. Произведение искусства, гостья из потустороннего мира, невероятным образом воплотившаяся на этой земле благодаря стараниям гениального мастера. Даже с расстояния Лида видела тончайшие черты лица. Волосы, собранные в высокую прическу, были раскрашены таким невероятным образом, что создавалось впечатление, будто бы кто-то на краткий миг отвел руку со щеткой для волос и сейчас снова продолжит их взбивать. Тонкая шея цвета слоновой кости с легким голубоватым отливом. И платье. Что это было за платье! Цвета солнца, на которое смотришь сквозь розовую сладкую вату. Воздушное, пронизанное сотнями мельчайших дырочек на подоле, создающих иллюзию движения. Дама словно только что присела на позолоченный стул и слегка улыбнулась. В руках она держала веер.

– Красота какая, – наконец-то выдохнула нянечка, переводя взгляд на ошарашенную Лиду, – сколько же такая может стоять?

– Не знаю... – попыталась выдать из себя Лида, но ей это снова не удалось.

– Тут еще и письмо есть, – вдруг спохватилась нянечка, заглядывая в коробку и доставая из нее тончайший лист бумаги. Он словно кричал об изыске, роскоши и больших деньгах. На нем что-то было написано от руки. Разумеется, чернилами, слегка проступившими сквозь тонкую бумагу.

– Читай... – едва слышно попросила Лида, и нянечка, отведя руку от глаз как можно дальше, чтобы строчки не сливались воедино, принялась читать:

«Дорогая Лида, позвольте мне так к Вам обратиться. Я хочу поблагодарить Вас за спасение моей жизни в аэропорту Франкфурта и преподнести небольшой подарок. Это статуэтка Катарини, первая фигурка, созданная немецкими мастерами и положившая начало многовековой традиции мейсенского фарфора.

Как вы, возможно, знаете, европейские мастера долгое время бились над секретом китайского фарфора. Многочисленные попытки воспроизвести нечто подобное в Европе неизменно оканчивались провалом. А китайцы стойко хранили свой секрет, отказываясь продавать его даже за огромные деньги. В начале восемнадцатого века философ, математик, физик и геолог Эренфрид Вальтер фон Чирнхаус вместе с алхимиком Иоганном Фридрихом Бёттгером смогли изготовить первые изделия из красной глины, но им никак не удавалось

достичь молочной белизны китайских изделий. По легенде, Бёттгер решил эту проблему совершенно случайно.

Припудривая свой парик белой глиной из окрестностей Мейсена, он подумал, что она, пожалуй, может придать белизну не только волосам, но и фарфору. Свой первый эксперимент он решил провести в одиночестве, добавив к уже известной ему смеси белый песок и слюду. Замесив составляющие, он собственноручно вылепил из полученного материала изящную статуэтку дамы, в которую был влюблен – герцогини Катарины Альтена-Берг. Чтобы придать собственному шедевру еще больший вес и приманить удачу, Бёттгер добавил к краске, которой собирался раскрасить статуэтку, собственную кровь. Именно благодаря этому компоненту и появился уникальный розовый оттенок платья Катарини.

Он подарил статуэтку возлюбленной, после чего та ушла к нему от мужа. Вскоре возле Мейсена была открыта первая фарфоровая мануфактура, а спустя всего несколько десятилетий мейсенский фарфор завоевал мир. Фридрих и Катарина жили счастливо до конца дней своих и произвели на свет девять детей. Статуэтка считалась родовой реликвией и бережно передавалась из рода в род.

Но войны нанесли значительный урон семье Бёттгеров, и в результате на свете остался лишь один наследник, отец моего мужа Александра. С Александром мы прожили долгую и счастливейшую жизнь. Катарина хранила нас в самых сложных жизненных ситуациях, и нам везло там, где любой другой уже отдал бы богу душу.

К сожалению или к счастью, нам не были дарованы дети. Мой муж покинул меня в прошлом году, и я чувствую, что мои дни сочтены. Я бы хотела передать Катарину вам, Лидия, за вашу доброту и отзывчивость. Мне показалось, что вам не помешает малая толика удачи. Храните ее и передайте тому, кого вы любите – ему она тоже принесет удачу. Катарина начнет оберегать Вас и помогать с того момента, как Вы прочтете мое письмо. А в течение первых тридцати дней все, что вы решите осуществить, непременно получится. А если не получится, то это все равно будет к лучшему. Воспользуйтесь этим.

С благодарностью и уважением,

Анастасия Бёттгер».

Воцарилась оглушающая тишина. Лида пыталась переварить то, что только что услышала от нянечки. Остальные пациенты, до этого стонавшие в разных тональностях, замолчали как по команде и предпринимали титанические усилия, чтобы подняться повыше и рассмотреть женщину, которой привалило такое счастье.

Лида помотала головой – ей это снится. Конечно же, это происходит не с ней. Статуэтки, легенды, везение прямо с этой минуты. Сквозь затопившую ее с головой радость попытался пробиться голос разума – да нет же...

Откуда-то из недр коридора послышались голоса и шаги.

– Иван Ефремович, – заметалась нянечка, быстро сунула Лиде в руки статуэтку и прикрыла ее одеялом, а упаковку спрятала в огромный карман белого халата как раз в тот момент, когда в палату вошел Иван Ефремович, сопровождаемый целым консилиумом врачей.

Они остановились возле кровати Лиды, и профессор, подняв взгляд от кипы бумаг – анализов, рентгена, МРТ и прочих документов, впери в нее тяжелый взгляд. Несмотря на суровость, взгляд был полон сочувствия и доброты. Лида немедленно сжалась, безуспешно попытавшись втянуть голову в плечи. Что там написала Анастасия? Ей начнет везти? Ну что же... Пусть начинает прямо сейчас.

– Как вы себя чувствуете? – немного помолчав, осведомился Иван Ефремович.

– Хорошо, – неожиданно четко выпалила Лида.

– Сегодня мы переведем вас в обычную палату и задержим на сутки, чтобы понаблюдать. Могу вам сказать, что вы родились в рубашке. Редчайший случай везения. Обычно подобные

наезды заканчиваются или смертью, или тяжелыми травмами, а у вас просто легкие ушибы. Ни одного перелома.

– Но я же не могу пошевелиться, – запротестовала Лида.

Иван Ефремович решительным жестом откинул одеяло и, резко взяв Лиду за руку, слегла потянул. Та села на кровати, в последний момент успев спрятать Катарину под подушку. Появилось легкое головокружение, но спустя несколько секунд оно прошло.

– Опустите ноги, – приказал врач. Лида послушно выполнила его просьбу. Ноги повиновались. Держась за руку Ивана Ефремовича, она встала и вдруг широко улыбнулась.

– Должен сказать, что вы, – профессор кинул быстрый взгляд на бумаги, которые держал в руке, – Лидия Андреевна, весьма везучая женщина.

По привычке Лида хотела возразить, но тут же остановилась. Невероятно, но подарок Анастасии Бёттгер начал действовать с первой минуты, как та и написала! Неужели с черной полосой в ее жизни покончено и теперь ее ждет только счастье и удача? Она широко улыбнулась и кивнула:

– Да, доктор, вы правы. Я очень везучая.

Диана

Диана проснулась от звука ключа, поворачивающегося в замочной скважине. И тут же тепло улыбнулась – Матвеевна! И словно в подтверждение догадки из коридора донеслось бурчание:

– Ну кто такие вещи запросто так по коридору разбрасывает?

«Это она о ее туфлях», – догадалась Диана.

Матвеевна частенько обвиняла ее в ненужном мотовстве и ворчала, что лучше б та на черный день копеечку откладывала, пока есть такая возможность, чем вот так вот деньгами сорить на очередные туфли. Еще предыдущие не сносила! Матвеевна была женщиной практичной и мотовства не одобряла.

Легко улыбнувшись, Диана откинула невесомое одеяло и бесшумно соскользнула с кровати. На цыпочках подошла к чемодану, который вчера так и не распаковала – все равно лучше Матвеевны она это не сделает, и достала подарок, лежавший сверху.

Осторожно выйдя в коридор, уставилась на спину домработницы, поглощенной расставкой ее обуви. На цыпочках подкралась к ней и воскликнула:

– Сюрприз!

Матвеевна подскочила, а Диана рассмеялась. Домработница обернулась, и девушка легко чмокнула ее в морщинистую щеку:

– Это вам!

– Вот напугала, чумная! Что это ты еще придумала, это что такое, кому это нужно? Не возьму, – сурово отказалась она, пряча грубые руки за спину и притворно хмуря брови.

– Это не обсуждается, – Диана так же сурово нахмурилась и снова рассмеялась, – это подарок. К какой-нибудь дате, придумайте сами. Ну и к тому же не могу я вас отпустить в санаторий с вашими жуткими халатами!

– Что ты имеешь против моих халатов? – смягчилась Матвеевна, косясь на пакет, который Диана держала в руках.

– Представляю, насколько они ужасны, – Диана подхватила домработницу под руку и потянула ее на кухню.

– Вот еще! Байка натуральная, теплые и мягкие. – Матвеевна взяла пакет, который ей настойчиво совала в руки Диана, и пощупала – мягкое. Наверняка что-то красивое и изысканное, как и эта странная девушка, с которой ее совершенно случайно свела судьба.

Вначале Диана снимала у нее квартиру, совсем недолго – она приехала из области и сняла первое попавшееся жилье, которое могла себе позволить. Девочка совершенно ничего не умела. Была на редкость косорука и питалась едой из пакетиков. Матвеевна была жутко ею недовольна – то доску гладильную прожжет, то потоп устроит.

Но однажды одинокая Матвеевна услышала, как Диана играла на пианино.

Она пришла без предупреждения, будучи уверенной, что жилищки нет дома – шторы на окнах были задернуты. Но та была. Валялась в кровати якобы приболевшая, скачала клавиатуру на свой планшет (как она объяснила Матвеевне позже) и развлекалась, думая, что ее никто не слышит.

На следующий день Матвеевна сама заявила к ней с веником и ведром и, несмотря на слабые протесты Дианы, взялась крепкой рукой за ее хозяйство. И денег никогда не брала, сказала, что это включено в квартплату. Такие руки, как у Дианы, не были созданы для тряпки.

Вскоре девушка переехала, но Матвеевна продолжала приходить каждое утро и целый день хлопотала по хозяйству. Хотя какое у Дианы хозяйство? Приготовив еду и смахнув пыль, она смотрела телевизор, читала книги и слушала, как та играет. Но едва Диана роняла: «Сейчас придет Геночка», – Матвеевна, поджав губы, удалялась домой.

Она не одобряла ее любовника. Любой другой она бы просто плюнула в лицо за хоро- воды с чужими мужьями, а в том, что «Геночка» был женат, сомневаться не приходилось. Но Диана... Диана была иной. Ее нельзя было мерить общим аршином. Поэтому Матвеевна лишь неодобрительно ворчала и просила ту выйти замуж и нарожать детишек поскорее да побольше, чтобы она успела их поныть. Диана звонко смеялась и уверяла, что все будет. И муж самый лучший, и дети. Она везучая. Надо лишь подождать, и счастье придет.

– Ой, что же это я! – спохватилась Матвеевна, замерев посреди длинного кишкообраз- ного коридора, со стен которого кое-где отошли старые обои, а паркет немилосердно скрипел под ногами. – Я же сырники тебе свежие привезла.

Резко развернувшись, Матвеевна направилась назад ко входной двери и загрохотала сум- ками и многочисленными судками.

– У тебя ж наверняка мышь повесилась. А, кстати, тебе тут посылка, я достала из ящика, – опомнилась она.

Диана, уже успевшая войти на кухню, включила чайник и крикнула Матвеевне:

– От кого?

– Не знаю. Не по-нашему написано.

– Тащите сюда, разберемся!

Матвеевна вернулась, неся сумку с судочками, и принялась хлопотать на кухне. Она достала посуду с полки, сервировала столик, включила огонь на плите и поставила на него сковороду, чтобы разогреть сырники – новомодные технологии типа микроволновой печи она принципиально игнорировала, будучи уверенной в том, что пользование такой техникой нане- сет непоправимый вред здоровью.

Диана взяла небольшую прямоугольную коробочку из плотного картона, которую Мат- веевна положила на стол, и устроилась с ногами на мягком сиденье. Легко поддела скотч ног- тем, распаковала коробку и вынула из нее нечто, бережно упакованное в пупырчатую пленку. Интересно, что бы это могло быть? Диана бросила взгляд на коробку – адрес отправителя не был указан. Она заметила в коробке белый лист бумаги и вытащила его. Письмо. Написано от руки красивым четким почерком.

– Что это? – поинтересовалась Матвеевна, аккуратно выкладывая разогретые сырники на большую тарелку и ставя ее на стол.

– Не знаю, – пожала плечами Диана, – сейчас выясним.

Она принялась читать письмо вслух:

«Диана, Вы наверняка удивитесь, получив это письмо и посылку. И наверняка зададите себе вопрос, откуда у меня Ваш адрес. Но, поверьте, эта информация совершенно не стоит Вашего внимания.

Я та женщина, которую Вы оставили без помощи в аэропорту Франкфурта. Но мир не без добрых людей, и именно благодаря им у меня сегодня есть возможность к Вам обратиться и преподнести небольшой подарок.

Это статуэтка Катарини – первая фигурка, созданная немецкими мастерами и поло- жившая начало многовековой традиции немецкого фарфора. В начале восемнадцатого века философ, математик, физик и геолог Эренфрид Вальтер фон Чирнгаус вместе с алхими- ком Иоганном Фридрихом Бёттгером смогли изготовить первые изделия из красной глины, но им никак не удавалось достичь молочной белизны китайских изделий. По легенде, Бёттгер решил эту проблему совершенно случайно. Припудривая свой парик белой глиной из окрестно- стей Мейсена, он подумал, что она, пожалуй, может придать белизну не только волосам, но и фарфору. Свой первый эксперимент он решил провести в одиночестве, добавив к уже известной смеси белый песок и слюду. Замесив составляющие, он собственноручно вылепил из полученной смеси изящную статуэтку дамы, в которую был влюблен, – герцогини Ката-

рины Альтена-Берг. Чтобы придать собственному шедевру еще большую значимость, Бёттгер добавил к краске, которой решил раскрасить статуэтку, собственную кровь. Именно благодаря этому компоненту и появился уникальный розовый оттенок платья Катарины.

Он подарил статуэтку возлюбленной, но та ответила ему отказом, а муж Катарины вызвал наглеца на дуэль. Бёттгер был смертельно ранен. Но перед смертью ему удалось передать секрет белоснежного фарфора своему другу фон Чирнхаусу.

Вскоре возле Мейсена была открыта первая фарфоровая мануфактура, а спустя всего несколько десятилетий мейсенский фарфор завоевал мир. Статуэтка осталась у Катарины, которая вскоре умерла от тяжелой болезни, так же как и ее муж и пятеро их наследников. Их всех не стало в течение года. А статуэтка уцелела. Ее история достойна отдельного описания, она пережила две войны и в результате год назад оказалась в руках моего мужа, увлеченного коллекционера, не верящего в древние проклятия.

Увы, Александр оказался слишком самонадеян. Не прошло и полугода, как после череды ужасающих несчастий он покинул этот мир, оставив мне долги и Катарину. Вы сами были свидетельницей несчастья, произошедшего со мной в аэропорту, хотя за несколько дней до этого наш семейный доктор уверил меня, что мое здоровье в полном порядке. Я пообещала себе, что подарю Катарину тому, кто недостойн называться человеком.

Поэтому я дарю ее Вам, Диана. Люди должны быть сострадательны. А Вы напрочь лишены этого чувства. Вы, конечно, можете попытаться избавиться от Катарины, но ее проклятие уже начало действовать, и его не остановить. С момента получения Катарины Вас начнут преследовать несчастья, а через тридцать дней, возможно, Вы покинете этот мир. Я лишь могу пожелать, чтобы Вас не оставили без помощи в трудный момент. Все-таки мир не без добрых людей.

Анастасия Бёттгер».

– Вот ведьма! – воскликнула Диана, дочитывая письмо и отбрасывая его в сторону.

– Что ты натворила, деточка? – Позабыв об остывающих сырниках, Матвеевна присела за стол.

– Ничего такого. – Диана нервно передернула плечом, вспоминая неприятный инцидент в аэропорту и сестру. Внезапно стало зябко и захотелось стереть воспоминание из памяти как можно скорее.

– За «ничего такого» такие подарки не дарят! – со знанием дела заявила Матвеевна. – Да что же это творится? Умрешь через месяц? Надо разыскать эту Анастасию да извиниться – пусть заберет свою жуть назад!

– Еще чего! Продадим эту Катарину вместе с письмом. Знаете, сколько в Сети бродит психов, которым бы только прикупить что-нибудь аномальное!

– Кто ж такую жуть-то купит. – И без того морщинистое лицо Матвеевны сморщилось еще больше. – Люди красивые вещи покупают, новые.

Диана звонко расхохоталась и вскочила с диванчика.

– Да ладно, вон у Гоголя череп украли и, говорят, в частную коллекцию продали.

– Правда, что ли? Страсти-то какие, – перекрестилась Матвеевна.

Диана взяла в руки статуэтку. На несколько секунд перехватило дыхание – она была прекрасна. Тончайшая работа, ручная, такие вещи сразу выделяются из толпы своих кустарных собратьев. Дама смотрела укоризненно, словно пыталась спросить – как ты дошла до такой жизни, Диана? Выразительное лицо, платье словно из воздушной органзы, окрашенной в цвет заката. Потусторонний цвет, нереальный. Может, и правда краска замешана на человеческой крови?

Диана помотала головой – еще не хватало верить в такие глупости! Бабка просто решила ей досадить. Продаст – и дело с концом. При мысли о продаже что-то больно кольнуло: рас-

ставаться с элегантной вещицей не хотелось. Похоже, действительно дорогая. Собственно, а зачем ее продавать? Если она не верит ни в какие проклятья, то пусть статуэтка остается как напоминание о том, что человек сам хозяин своей жизни.

Диана решила пристроить безделушку на старой изразцовой печи, оставшейся в квартире со дня ее постройки. До Дианы здесь жила известнейшая в городе преподавательница музыки, которая благодаря своим обширным связям сумела стать единоличной владелицей коммунальной квартиры. Пятиметровые потолки, эркеры, арочные окна с умопомрачительным видом на старый парк, рассохшийся паркет, по которому Диана любила ходить босиком, и настоящая печь. Но квартира, словно постаревшее тело бабули, хранила следы прожитой жизни: аварийный потолок в туалете, копоть от пожара в прихожей – горела столетняя проводка. Между прочим, бывшая хозяйка отдала богу душу в одной из спален. По ночам Диане казалось, что квартира оживает, и все ее бывшие жильцы собираются в огромной кухне за ее столиком, неспешно пьют чай и обсуждают свои нехитрые новости. Легкий треск стен, скрип паркета. Квартира была живая, и она пускала в себя далеко не каждого.

Геночка не смог остаться здесь ночевать – один раз соврал жене, что поехал в командировку, чтобы провести время с Дианой в ее день рождения, но сразу после полуночи собрался и уехал в гостиницу. Он не понимал ее выбора жилья, ведь изначально он намеревался поселить любовницу в квартире с новеньким евроремонтом. Но едва Диана переступила порог старой коммуналки (объявление о съеме притащила ей Матвеевна, чье внимание привлекло наличие в квартире пианино), она заявила, что хочет жить тут.

В доме постоянно была слышна музыка, поэтому Диана могла играть, когда ей вздумается. Ей даже казалось, что она слышит музыкальные сны.

Все так же босиком она прошлепала в гостиную и поставила статуэтку на край печки, которую никогда не топила. Развернувшись, чтобы вернуться на кухню к обеспокоенной Матвеевне, она заметила то, чего не было в комнате еще вчера вечером – уродливое зеленое пятно, расплывшееся на потолке. Внутри неприятно кольнуло – неужели проклятие начало действовать? Диана тут же объяснила себе это неприятное происшествие одной из особенностей проживания в старом фонде – никогда не знаешь, где, когда и какую трубу прорвет. На сей раз прорвало у милейшей соседки Марьи Михайловны.

С потолка уже начала раздражающе-монотонно капать вода, и Диана решительным шагом направилась в ванную за тазиком. Она так и не поняла, как это произошло. Когда она проходила мимо лужицы на полу, ее нога поехала на скользком паркете, и Диана рухнула на пол, взыв от боли.

Лида

Лиде снова повезло. В палате, куда ее перевели из реанимации, никого не было, кроме нее и телевизора. Как же давно она мечтала побыть в тишине и предаться праздному безделью! И если бы еще кто-то за ней поухаживал, а она могла бы просто валяться и ничего не делать. И вот ее мечта сбылась! Немного своеобразно, но тем не менее.

Врачи были на редкость любезны, объяснили, что уже завтра она сможет отправиться домой, но Лида туда вовсе не торопилась и собиралась насладиться целым днем, проведенным в тишине и спокойствии. Все равно дома ее никто не ждет.

Красавицу Катарину она поставила на тумбочку и не сводила с нее глаз. Надо же, неужели хоть что-то из того, что пишут в сказках, правда, и человеческая доброта не остается без вознаграждения? Хотелось бы в это верить. Лида тут же покачала головой: что значит – хотелось бы? Она же слышала, что сказал врач. Катарина уже принесла удачу, и теперь ей будет везти во всем. Можно даже расслабиться и помечтать.

Лида прикрыла глаза и откинулась на подушку. Чего бы ей хотелось? Прежде всего собственного жилья, чтобы уйти от Василия и *той*. Видеть их сил никаких нет. Хотелось спрятаться в собственной норе и зализывать раны.

Мозг тут же зацепился за словосочетание «собственная нора», и Лида вдруг осознала, что понятия не имеет, как может выглядеть квартира, которая бы нравилась лично ей.

После свадьбы свекры уступили им свою двушку в хрущевке с планировкой, прозванной в народе трамвайчиком, – проходная гостиная, где жил Ромка, имела выход в восьмиметровую спальню, где обитали они с Василием. Все пространство там занимала большая монструозная кровать из лакированного красного дерева и старомодный шифоньер, доставшийся ей в наследство от бабули.

Саму спальню она украсила картиной с изображением райского сада, а на кровать постелила мягкое пушистое покрывало с изображением тигра. Может быть, ей повезет, и получится оставить покрывало себе? Или договориться с Васей, что они с *той* переедут в проходную комнату, а она оставит себе спальню? Только вот Ромку куда деть? К тому же у них наверняка «медовый месяц», мальчишка будет только мешать.

Погрузившись в интимные подробности, Лида снова загрустила и тут же запретила себе об этом думать.

Итак, квартира. Ей нужно жилье в тихом районе, желательно недалеко от работы. Она бы вставала утром, принимала бы душ – ей нужна квартира с душем! Завтрак бы пропускала и просто пила кофе на небольшом балкончике, выходящем в тихий двор – ей нужна квартира с балконом! Потом бы она шла пешком на работу, а возвращаясь вечером, заходила бы в магазин – ее квартира должна находиться возле небольшого магазина, где всегда можно купить свежих овощей и фруктов. Делала бы себе легкий салат, пила свежесжатый сок на своем балкончике и потом... пела. Господи! Такая простая роскошь, которую она не могла себе позволить с первого дня замужества. Вася совершенно не переносил самостоятельность.

Значит, ей нужна квартира с хорошей звукоизоляцией или с глухими соседями. Вот бы она зажила! И сразу бы нашла нового мужа! Да такого, чтобы Вася просто удавился от зависти на пару со своей кикиморой. Тридцать дней на то, чтобы найти квартиру и нового мужа? Лида улыбнулась – вот это был бы номер!

Погруженная в яркие мечты, Лида не услышала, как открылась дверь, и к ней зашел посетитель.

Геннадий некоторое время наблюдал за женщиной, лежащей на кровати. Сегодня ночью он не сомкнул глаз, совещаясь со своим адвокатом Артуром. Тот за несколько часов нарыл на нее всю информацию – работает в архиве, давно замужем, растит умного сына. В последнее

время в семье неурядицы, из-за которых тетка неделю где-то пропадала, а как вернулась, сразу полезла под колеса. Они пришли к выводу, что тетка вряд ли была обычной разводилой, бросающейся под дорогие тачки за деньги (хотя полностью такую версию не исключили).

Скорее всего, обычная курица, решившая перебежать дорогу в неположенном месте. По крайней мере, выглядела она именно так. Плохонькая одежка, лишний вес, да и вообще. Но Артур недаром был лучшим адвокатом города. Он всегда предусматривал самые плохие варианты развития событий и старался к ним подготовиться. В Генином случае самым неприятным было то, что тетка, которой могли понадобиться деньги в свете грядущего развода, решит за небольшое вознаграждение поговорить со средствами массовой информации.

Гена, директор и владелец крупнейшего в городе рынка, вот уже год как возглавлял движение «За чистоту на дороге», ратуя из каждого утюга, что нужно ужесточать ответственность за нарушение правил дорожного движения, а за вождение в пьяном виде или без прав и вовсе отбирать машину и отправлять на повторную сдачу экзаменов.

Участие в этой инициативе, которое ему посоветовал Артур, давало Гене массу преимуществ. Теперь любой скандал, связанный с рынком, можно было смело списывать на происки недоброжелателей и черный пиар. Гена сам показательно штрафовал тех, кто парковался на тротуаре возле его вотчины. За свой счет перекрасил все пешеходные переходы в радиусе пятнадцати километров от рынка, а к первому сентября спонсировал в одной местной школе уроки поведения на дороге и подарил детишкам светоотражающие жилеты.

Инициативу приняли на ура, и Гена мало-помалу начал превращаться в глазах городской общественности из бандита-торгаша в эдакого раскаявшегося грешника, который угоден богу. Он все больше слышал от людей фразы в духе «вот бы нам такого мэра», «вы бы уж навели порядок», «человек, сумевший построить бизнес, и город построит». И хотя ни в какие мэры Гена Огурцов не собирался, подобные заявления ему льстили. Он не упускал случая щегольнуть своим происхождением и тем фактом, что он – человек, попавший из грязи в князи. И толку от него намного больше, чем от разномастных псевдоаристократов типа Вероники и ее семейства.

И вот эта тетка. Наверняка явственно ощутившая Генины вчерашние алкогольные пары (он снова разозлился, вспомнив дурацкую ссору с Вероникой). И если вдруг она решит подать на него в суд или привлечет внимание к этому инциденту, Гене конец. Больше никто и никогда не воспримет его добрые позывы всерьез. Даже если они вдруг станут настоящими.

Артур настоятельно порекомендовал ему «прошупать» пострадавшую и попытаться найти к ней подход. «Умри, но не дай ей дойти до суда», – пожелал Гене адвокат и отправил проводить больную, надеясь, что их прогнозы оправдаются и тетка просто банальная дура, бегающая под колесами у машин.

Сегодня она выглядела значительно лучше. И хотя ее нельзя было назвать красавицей, в дурнушки он бы ее тоже не записал. Гладкое лицо без морщин, младенчески розовая кожа, светлые волосы, похоже, не испорченные краской. Под одеялом угадывались внушительные формы. И хотя сам Геннадий предпочитал стройных девушек, он вдруг подумал, что женщина довольно симпатична. Гена пристально взгляделся в ее лицо, и оно показалось ему неуловимо знакомым. Где же он мог ее видеть?

– Извините, – он постучал по косяку, привлекая внимание дремавшей тетки.

Лида от неожиданности подскочила и открыла глаза. Противного мужика узнала сразу же – это он ее вчера сбил! Еще и нахамил, обозвав бабкой. Она тут же насупилась и уже было собралась сказать ему что-то резкое и не очень приятное, как вдруг заметила, что он пришел с роскошным букетом цветов и увесистым пакетом. А вдруг это и есть кандидат в мужья, которого ей посылает Катарина? Вот прям сейчас. Насколько Лида помнила, ездил мужик не на «Жигулях», а на чем-то очень большом и внушительном. А вдруг внутри он пушистый зайка,

а гавкал на нее вчера из-за стресса? Ну что же, так и быть. Даст ему шанс. Лида принялась молча сверлить мужика взглядом и на всякий случай криво улынулась.

Тот выглядел плохо, словно не спал всю ночь. «Наверняка советовался с адвокатами», – мстительно подумала она. Покрасневшие глаза, щетина, футболка, тренировочные штаны и кроссовки на босую ногу. И хотя одет он был ужасно, отчего-то сразу чувствовалась некая нарочитость такого образа. Наверняка эти футболка и штаны стоят больше, чем весь Лидин гардероб.

Время от времени она любила разглядывать картинки в Интернете со всякими знаменитостями. Среди них тоже был популярен эдакий бомж-стайл. Наверное, люди просто устают все время быть на высоте и при параде. Похоже, Гена из таких. У него наверняка и жена красотка, и любовница-моделька имеется. Лида тут же помимо воли исполнилась презрения к незнакомцу.

– Здравствуйте. Я пришел извиниться, – прочистив горло, начал Геннадий. – День тяжелый выдался, а тут еще вы. И чего вас под колеса понесло? – вдруг визгливо спросил он, презрев все советы адвоката быть максимально вежливым и обаятельным.

– Голова закружилась, – огрызнулась Лида, – а вам пить меньше надо! Тем более за рулем!

– Кому, мне? – задохнулся Гена, пытаясь изобразить праведный гнев. Впрочем, ему это не удалось, но он продолжал упорствовать. – Я никогда пьяным за руль...

– Это вы кому-нибудь другому расскажите, – скривилась Лида, сама алкоголь никогда не употреблявшая и чужая спиртное за несколько метров.

Гена вытер холодный пот. Тетка непростая. Вон сразу начала про алкоголь говорить.

– Вы же понимаете, вы не на пешеходном переходе были, – принялся бубнить Геннадий в слабой попытке оправдаться.

Лида покосилась на фигурку Катарини, стоявшую на тумбочке. Как бы она поступила в таком случае? Наверняка царственно махнула бы рукой и простила идиота. Впрочем, у такой бы он сам в ногах валялся, а не обвинял ее в аварии.

Лида попыталась расслабленно махнуть рукой, но получилось похоже на инстинктивное движение при ударе током.

– Что с вами? Вам плохо? – испугался Геннадий.

– Мне лучше всех, – снова огрызнулась Лида и спрятала руку под одеяло. Если уж родилась такой вот Лидой, то нечего и пытаться из себя роковую Катарину корчить.

– Я вам тут небольшой гостинец привез, вот, цветочки, сейчас девочки вазу принесут, – опомнился Геннадий и начал бестолково кружить по палате в попытке пристроить свои дары.

«Передачу» собирал Артур. Основываясь на Генином сбивчивом описании жертвы наезда, Артур сделал вывод, что сбил он тетку, которую легко приручить килограммовой коробкой бельгийского шоколада, банкой икры и букетом подороже. Такие слаще морковки ничего в жизни не ели, им легко пустить пыль в глаза.

Гена подошел к тумбочке и уже вознамерился поставить на нее «передачку», но в последний момент заметил статуэтку. Удивленно моргнул и замер, испугавшись приступа.

Если сейчас на него накатит, то он просто не сможет держать себя в руках и все испортит. Но, видимо, стресс дал организму силу сопротивляться. Ничего не произошло.

– Что это? – ошолбенело спросил он несколько секунд спустя. Он тонко чувствовал предметы искусства, и то, что стояло на древней тумбочке в облезлой палате районной больницы, было, несомненно, шедевром. Даже странно, что он сейчас так спокоен.

– Ах это, – Лида попыталась придать голосу безразличие. Почему-то не хотелось выглядеть в глазах этого хама полной неудачницей, перед которой и извиняться не нужно. Пусть лучше думает, что сбил человека, который что-то из себя представляет. – Это ручная работа самого Бёттгера. Впечатляет, не правда ли? – Лида попыталась произнести фразу светским тоном, немного утомленным, словно она сама разбиралась в фарфоре и услышала фамилию Бёттгер не только сегодня утром.

– Бётт... кого? – переспросил сбитый с толку Геннадий. Его вдруг прошиб холодный пот. Приступ? Или злость на то, что Артур так облажался. «Обычная канцелярская крыска», – так, кажется, он сказал? Идиот! Никому в этом мире нельзя доверять, все нужно делать самому. Ежу же понятно, что это не просто стокилограммовая тетка. Это коллекционер фарфора! Да, за такой наверняка стоят серьезные люди. Муж, любовник, сын? Ну кто в наше время собирает немецкий фарфор?

– Бёттгер, – покачала головой Лида и посмотрела на Геннадия, как на нерадивого ученика, допустившего в диктанте глупейшую ошибку. – Вы что, не в курсе, кто такой Бёттгер? – Ей даже удалось добавить в голос презрение.

– Что-то знакомое, но из головы вылетело, – быстро соврал Геннадий и уставился в упор на женщину, отчаянно борясь с желанием положить ей подушку на голову и придушить, чтобы не умничала.

– Это же родоначальник мейсенского фарфора, – снисходительно объяснила Лида.

– А, этот Бёттхер...

– Бёттгер.

– А, ну да, точно, как я забыл!

В палате повисла густая пауза.

– Извините, – Гена развернулся и резко вышел из палаты. Припустил по коридору и, оглядевшись по сторонам, шмыгнул под табличку «Вход воспрещен» на черную лестницу. Здесь можно будет сделать звонок так, чтобы никто его не подслушал. Он набрал номер адвоката:

– Артур, это я! Никак не прошло. Да в больнице я, в больнице. Ничего я ей не дал. Послушай, не перебивай меня. Ты облажался, понял? Или твои источники, неважно, меня это не волнует. Тетка не так проста. Она фарфор коллекционирует! Неважно, откуда я узнал. Потому что я не полагаюсь ни на какие источники, сам все проверяю!

Почему в этой дыре лежит? Откуда я знаю. Может, «Скорая» сюда привезла, врачи хорошие, неважно. Да не врет она! У нее на тумбочке хрень какая-то стоит, красивая, да, говорит, что ручная работа чувака, который какой-то фарфор немецкий изобрел. Мейсен? Ну да, точно он, ты в курсе? Короче. Икра и цветочки – это так, приколы для бедных. Что с ней делать? Если она на меня в суд подаст, мне кранты, у такой наверняка есть хорошие адвокаты. Да уж лучше тебя. Что делать? Куда? Какая Эйфелева башня? Ты че, обалдел, что ли? Нет, надо что-то другое! И за что я только тебе деньги плачу?

Дав отбой, Гена развернулся и, выйдя в больничный коридор, быстрым шагом направился к выходу. Ничего этот Артур в бабах не понимает. Придется действовать самому.

Лида с удивлением смотрела на закрывшуюся за странным мужиком дверь. Куда он убежал? И, интересно, что он ей принес? Или это не ей? Ну да, наверняка не ей. С чего бы он вдруг таскал ей передачи? Почувствовал себя виноватым? Да ладно, такие всегда правы.

Она снова откинулась на подушку и закрыла глаза. Так, на чем она остановилась? Квартира. Ну а вдруг ей каким-то фантастическим образом повезет? Да что там, ей обязательно повезет, у нее же теперь есть Катарина! Она ей жизнь спасла, а с какой-то квартирой разве не справится? Итак, ей нужна небольшая жилплощадь в старом центре, с балконом, выходящим во двор, чтобы на нем можно было неспешно пить кофе утром и вечером.

Сколько комнат? Двух вполне хватит. Одна – спальня, а вторая – гостиная, где можно будет читать, устроившись в удобном кресле под старой лампой, и принимать гостей при случае.

Лида не успела ответить самой себе на вопрос, каких же это гостей она собралась принимать в квартире в старом центре, как запиликал телефон. Лида достала его из тумбочки и посмотрела на экран – Маргарита Семеновна. Черт! Она совсем забыла позвонить на работу и предупредить начальницу о том, что она в больнице:

– Маргарита Семеновна, я...

– Лидуша, прости, что вот так, как снег на голову, но выручай! – грудным голосом задела начальница. – Мне тут экстренно предложили поехать на три месяца на стажировку в Питер – из программы вышел один участник по семейным обстоятельствам, – но у меня Мотя. Где я ее там размещу? Мне ее совершенно не с кем оставить, ты же знаешь, какая она у меня дама с характером...

Лида прекрасно знала толстую наглую кошку Мотю неустановленной породы, весьма успешно вертевшую хозяйкой по собственному усмотрению и проводившую значительную часть времени в архиве под предлогом ловли мышей. На самом деле начальница в наглой зверюге души не чаяла и боялась, что та дома слишком скучает в одиночестве.

– Так вот я хотела тебе предложить – поживешь у меня это время? Ну, у тебя же... – Маргарита Семеновна деликатно замолчала, пытаясь подобрать правильное слово, – обстоятельства. Цветочки польешь, за квартирой присмотришь, ну и за Мотечкой. И Ромку можешь с собой взять, ему до школы недалеко. Ну, что скажешь? Место хорошее, центр, до работы двадцать минут неспешным шагом.

– Маргарита Семеновна, – после минутной паузы выдавила из себя Лида, – а балкон у вас есть?

– Есть, все есть, Лидочка, во двор выходит! Двор у нас закрытый, тихий, можно кофе пить и не бояться, что кто-то потревожит.

Диана

Пока Диана разбиралась с провинившейся соседкой и ждала мастеров, которые должны были ликвидировать протечку, Матвеевна вспомнила, что не выключила дома утюг, и ушла. Диана услышала, как хлопнула входная дверь, и тут же бросилась в гостиную – статуэтки не было. Верная Матвеевна утатила ее от греха подальше. Первой мыслью было броситься в погоню, но тут зазвонил телефон, и мастер участка заверил Диану, что водопроводчики скоро будут у нее. Погони не получилось. Завтра с ней разберется.

Нога болела, Гена хранил загадочное молчание и объявился только ближе к вечеру. Диана была на него обижена: вчера не приехал без объяснений, сегодня никак себя не проявил, оставив ее один на один с протекающим потолком. Ну и ладно, попробует извлечь лучшее из этой дурацкой ситуации. Наконец-то наймет мастеров, которые побелят потолок. Станет свежо и светло, а то у нее никак руки до побелки не доходят. Только вот что делать с пианино, которое от сырости утратило звучание? Искать настройщика? Без игры Диана страдала физически, а играть на расстроенном инструменте было решительно невозможно.

Погруженная в собственные мысли, она встретила любовника без привычной улыбки и щенячьей радости. Сухо чмокнула в щеку и принялась сверлить глазами. Но Гена, кажется, не заметил ее настроения и воинственных маневров. Был возбужден и говорлив. Сразу же отметил таз в гостиной и недовольно завел привычный разговор на тему рухляди. Почему она не хочет переехать в нормальную квартиру? О предложении руки и сердца речь не шла.

Диана была слишком умна, чтобы ждать, пока Геночка сам заметит ее настроение и недовольство. Если терпеливо ожидать, что мужчина поймет намеки, то можно состариться и умереть, так этого и не дождавшись. Нужно говорить прямо.

– Гена, будь добр, объясни, что происходит? Я всю ночь не спала, – сообщила она и посмотрела любовнику в глаза.

– Да я думаю, я б тоже не спал, если б на башку капало, – хмыкнул Гена, почесывая грудь, как обычно, не в состоянии прочесть между строк.

– Нет, мне это не мешало, к тому же я не сплю в гостиной, – стараясь справиться с раздражением в голосе, возразила ему Диана.

– А че тогда? – не понял Гена, витающий мыслями где-то очень далеко.

Диана уставилась на Геннадия, словно опытный энтомолог, изучающий ранее неизвестное науке насекомое. Она смотрела на любовника, как на букашку, пытаясь предугадать его действия и понять мотивы поступков. Они вроде бы и предсказуемы, но все же не до конца. Возможны сюрпризы.

Гена явно не слушал и остался равнодушен к ее жалобе, поглощенный собственными мыслями.

– Я ждала тебя вчера, а ты не приехал. Ты передо мной виноват, Геночка. Я теперь даже не знаю, как тебе искупить свою вину, – она понизила голос до интимного шепота и подошла к любовнику. Положила руку на щеку и попыталась повернуть его голову к себе и поцеловать. Заметила в немного отросшей щетине несколько седых волосков, и на секунду мелькнула мысль: каково это – состариться рядом с ним?

Прислушалась. Внутри поднялась обычная тошнота. Впрочем, не до романтики. Гена повернул голову, несколько секунд сверлил ее взглядом, а затем его глаза зажглись, словно два фонаря в зимних сумерках. Взгляд стал ясным и сфокусированным – теперь он был с ней.

– А скажи мне, Дианка, как нынче мужики заглаживают свою вину перед роскошными бабами?

– Я с бабами не знакома, – Диана холодно пожала плечами и сделала шаг назад. Она терпеть не могла, когда женщин называли «бабами», «телками», «девками». Если потерять уважение в мелочах, то и в большем его не дождешься.

– Ой, ну ладно, извини, перед женщинами роскошными. Ну такими, которую тортом и икрой не возьмешь.

Диана сделала шаг назад и слегка улыбнулась. Вместо банального «ну прости» Гена, возможно, приготовит ей некий сюрприз, чтобы искупить свою вину. Но так как сам он особой фантазией не отличался, то не придумал ничего лучшего, чем спросить у нее под дурацким предложением.

Ответ сам слетел с языка:

– Для роскошной женщины придется снять дорогой ресторан и закрыть его на вечер. Чтобы там были только двое. Нанять пианиста, который будет играть импровизации известных композиций о любви. Свечи, конечно же...

– Ясно, спасибо, – нетерпеливо перебил ее Геннадий и потянулся в карман спортивных штанов. На языке его жестов это означало, что сейчас он уйдет, а Диана получит хрустящие купюры, призванные создать иллюзию утешения.

Она оказалась права. Гена достал бумажник, вытащил из него три купюры и протянул Диане:

– Вызови сантехника, ну и пусть кто-нибудь посчитает, сколько будет стоить ремонт. Надо это кубло привести в божеский вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.